

С Федором Васильевичем Gladковым и его семьей я познакомился в конце 1922 года. Жили мы тогда в доме № 33 в Староконовском переулке в квартире № 11, которая в то время была семейным общежитием участников объединения пролетарских литераторов «Кузница».

Кроме нас, в этой квартире жили семь писателей А. С. Новикова-Прибоя, Н. Н. Ляшко, Ф. Е. Ярового, М. И. Волкова, поэтов М. П. Герасимова, В. Т. Кириллова и критика С. А. Родова.

У всех них жизнь прошла в тяжелом труде, недостатках и лишениях, и все радовалось, что все это осталось позади и никогда не вернется. Не вернется потому, что хозяином жизни стал сам народ. И, как осталось у меня в памяти, чаще всего об этом говорили Ф. В. Gladков, А. С. Новиков-Прибой и мой отец.

Писатели и поэты нашей квартиры и ее гости только еще начинали входить в настоящую литературу и поэтому жили все небогато — от рассказа до рассказа, от стихотворения до стихотворения.

Одна комната в нашей квартире пустовала. В ней раз в неделю собирались участники «Кузницы». Приходило человек двадцать пять — тридцать. Поэты читали свои новые стихи, прозаики — новые рассказы. После чтения шумно спорили, обсуждая прочитанное, а иногда даже и ругались друг с другом, но все это беззлобно. Часто с чтением своих новых произведений или отрывков из них выступал Ф. В. Gladков.

Для нас, ребятшек, самым большим удовольствием было присутствовать на заседаниях «Кузницы» или сидеть где-нибудь в уголке у соседа, когда он или кто-то из его гостей читали рассказы и стихи.

И вот тогда-то я впервые и увидел Федора Васильевича Gladкова. В моей памяти тех лет он остался человеком немного суховатым, очень нервным и более официальным, чем все другие писатели.

И как я был удивлен, когда Федор Васильевич, будучи у нас в гостях в день пятой годовщины Октябрьской революции, вдруг приятным и сильным голосом запел, как я потом узнал, свою любимую песню: «Солнце всходит и заходит, а в тюрьме моей темно...».

Для нас, ребятшек, Федор Васильевич был интересен прежде всего как коммунист, как человек, который, по рассказам наших родителей, проводил большую революционную работу среди рабочих еще в условиях царской России и был за это сослан в Сибирь.

Раза два в неделю ходили мы с отцом в гости к Федору Васильевичу, семья которого в то время занимала маленькую комнатку в красивом особняке недалеко от Смоленской площади.

В одном углу этой комнатки за легкой фанерной перегородкой стоял кухонный стол с примусом. Из этого же угла по приставной деревянной лестнице можно было попасть на чердак, где у слухового окна стоял письменный стол Федора Васильевича — это был его летний рабочий кабинет. Внизу же места еле хватало для трех кро-

ватей, маленького обеденного стола, четырех стульев и этажерки с книгами.

Дружба отца с Федором Васильевичем крепла с каждым днем. Встречаясь, они читали друг другу новые страницы из «Ташкента», «Гусей-лебедей» и «Цемент». Что-то в них критиковали, что-то одобряли. А после этого Федор Васильевич рассказывал о жизни рабочего класса до революции, о революционной борьбе в царской России, о большевистской партии.

Отец всегда с большим вниманием слушал Федора Васильевича. А как-то однажды, придя к Gladковым позже отца, я встал их за таким разговором:

— Ну что ты, Сергеич, думаешь?.. Я тебе первый самую хорошую рекомендацию дам... И думать нечего... — говорил Федор Васильевич.

Отец сидел какой-то притихший и необычно задумчивый.

— Боюсь, — говорил он, — не досроч я еще до этого... Вот закончу «Гусей-лебедей», повесть о женщине-коммунистке напишу... Вот лучше тогда, а сейчас еще рано мне... Не досроч я до этого, не досроч...

Года через два Федор Васильевич сказал мне, что разговор этот был о вступлении моего отца в партию коммунистов.

Остался в моей памяти разговор с отцом, когда я спросил его, почему роман, который он пишет о революционной деревне, называется «Гуси-лебеди».

— Видишь ли, сынок, — ответил он мне тогда, — в романе я показываю, как шла революция в деревне. Боролась две силы. Богачи, попы, торговцы отставали свою сытую и пустую жизнь, долгий сон на пуховых перинах. Это и есть гуси — они ведь только едят и жиреют... Против богатых выступала беднота, она боролась за счастье трудового народа. Это и есть лебеди — они ведь высоко и далеко летают. И они далеко полетят по широкой дороге, открытой для них революцией, и ничто не остановит их полета вперед...

Смерть рано оборвала жизнь моего отца. Он умер в день своего рождения 24 декабря 1923 года, когда ему исполнилось всего 37 лет. Смерть была внезапной, и на следующий день многие, не прочитав газеты, пришли к нам в гости, чтобы отпраздновать день его рождения. Так пришел и Федор Васильевич. Увидев мертвое тело отца, он упал без чувств.

Помню слова отца, которые он сказал мне в день своей смерти:

— Ты, я смотрю, газеты читать любишь. Начет политики говори с дядей Gladковым — он ее хорошо знает и правильно понимает...

При жизни Gladковых у Смоленской площади, а с 1925 по 1928 год в Староконовском переулке, я ходил к ним, как в свой дом. В 30-х годах я встречался с Федором Васильевичем не так уж часто. Я дружил с его старшим сыном Василием и иногда бывал у них в Саймоновском переулке, но Федора Васильевича встречал редко. Он был до предела загружен литературной и общественно-партийной работой.

Но бывали дни, когда я все-таки заставлял его дома, и тогда он интересовался моей учебой в техникуме, институте. После окончания техникума я работал на самолетостроительном заводе, и Федор Васильевич с большим и искренним интересом расспрашивал меня о жизни рабочих (я работал тогда в цехе), об их отношении к труду, политическим событиям тех лет, об их настроениях и интересах.

Часто Федор Васильевич вспоминал моего отца и много говорил о нем и о его произведениях. На всю жизнь остались в моей памяти его слова:

— Любил я твоего отца и уважал и как человека, и как писателя. Талантлив он был, отец твой, и душой своей правильно понимал и революцию, и новую жизнь, пришедшую к нам после нее. К сожалению, отец твой жил в послереволюционное время всего только шесть лет. Но и за это короткое время он сумел первым из советских писателей создать яркие человеческие образы новой, революционной деревни.

В последний раз я встретил Федора Васильевича в 1956 году, когда он гулял около своего дома в Лаврушинском переулке. К этому времени мне девятнадцать лет не доводилось встречаться и разговаривать с ним.

Он шел мне навстречу, а когда поравнялся со мной, я встал на его пути и, протягивая руку, сказал:

— Здравствуйте, Федор Васильевич!..

Держа мою руку, он долго смотрел на меня.

— Что-то не узнаю... — А потом обрадованно воскликнул: — Неверов!.. Борис!.. Ну до чего же ты на отца-то своего похож!..

Он засыпал меня вопросами, и я еле успевал ему отвечать.

— Говоришь, инженером работаешь... Ну что же, это неплохо. А по отцовской линии, значит, не пошел... Любил я твоего отца и до сих пор иногда его читаю. Умница он был и как хорошо писал! Нам с Сильчем далеко было до него в то время...

Я сказал Федору Васильевичу, что не-

давно читал его автобиографические повести и что они мне очень понравились. Он схватил меня за руку и с каким-то внутренним подъемом радостно сказал:

— А ведь неплохо я их написал... Самому они мне нравятся. А вот, видишь, как получается... Время умирать пришло, а я только по-настоящему сейчас и писать-то научился. Обидно... очень обидно...

На какое-то мгновение глаза его стали грустными...

— Ну, а кого видишь из нашей старой гвардии писательской?.. — спросил меня Федор Васильевич.

Я сказал, что после 1939 года встречался только с Алексеем Сильчем Новиковым-Прибоем да в 1942 году случайно встретил у него Евдоксию Федоровну Никитину.

К этому времени я знал, что Куйбышевское книжное издательство готовило к печати четырехтомник произведений моего отца. Знал, что Федора Васильевича просили написать статью для этого издания и что он обещал это сделать. И я напомнил ему об этом.

— Видишь ли, дорогой, — сказал он мне тогда, — статью такую я начал было писать, но, к стыду моему перед памятью отца твоего, не напишу я ее. Трудно мне это сделать. Здоровьем слаб я стал, да и память уже не та. Многого надо вспомнить, многого заново перепечатать, а сил-то для этого уже нет. А написать кое-как не могу — не заслужил этого твой отец...

А когда прощались, Федор Васильевич долго держал мою руку.

— Как же хорошо получилось, что ты остановил меня, — говорил он. — Много людей встречал я на своем писательском пути, а близкими и дорогими сердцу моему были твой отец и Алексей Сильч.

А потом мы простились, и простились навсегда — больше я Федора Васильевича никогда не встречал... Только проводил его в последний путь в 1958 году...

Борис НЕВЕРОВ-СКОБЕЛЕВ.